

ВИКТОРИЯ ВАСИЛЬЕВА

ОБЗОР

IV КОНГРЕССА «ПОЛЬША–РОССИЯ: ДОЛГИЙ СЛЕД “КОРОТКОГО” XX ВЕКА»

26–27 мая 2014, Краков, Педагогический университет
имени Комиссии национального образования в Кракове

Педагогический университет имени Комиссии национального образования в Кракове (Отдел гуманитарных наук) и Российский государственный гуманитарный университет (УНИ «Русская антропологическая школа») организовали и провели IV Конгресс, посвященный проблемным точкам истории российско-польских отношений и вопросам функционирования коллективной памяти. Конгресс стал продолжением серии международных встреч, начатой в 2009 году в Москве проведением Международной научной конференции «Россия и Польша: долг памяти и право забвения» и включившей в себя впоследствии Международный конгресс «Польша–Россия. Трудные вопросы. Три нарратива: история, литература, фильм» (Краков, 5–7 октября 2010) и Международный конгресс «Россия и Польша: память империй / империи памяти» (Санкт-Петербург, 26–28 апреля 2012). Хронологически и отчасти тематически IV Конгресс явился развитием поднятых на Санкт-Петербургском форуме 2012-го года вопросов трансформации «имперской идеи», повлиявшей на становление «культуры воспоминаний» обеих стран, определившей направления политики памяти и забвения и создавшей «места памяти», которые постоянно воссоздают элементы ностальгии и рессентимента в отношении сближающегося в типологическом плане имперского прошлого России и Польши¹. На Кон-

¹ Более подробно с программой Конгресса 2012-го года можно ознакомиться на сайте Санкт-Петербургского отделения Российского института культурологии: http://www.spbric.org/files/Programme_rus.pdf

грессе в Кракове получил рассмотрение феномен “короткого” XX века, начавшегося в годы Первой мировой войны и завершившегося в конце 1980 — начале 1990-х гг. Сами «границы века», как и иные примеры периодизации истории, были подвергнуты подробному теоретическому анализу в пленарном докладе Алексея Васильева (РГГУ) на тему «Темпоральные представления как элемент исторической культуры: век как “место памяти”». В докладе говорилось о том, что каждый исторический период — это результат действия определенной «оптики», присущей тому или иному сообществу, а также усилий по формированию временных континуумов и точек разрыва между ними. То, что определенная историческая периодизация считается в этом сообществе естественной, а определенное историческое событие — важным, поворотным, ключевым, есть результат мнемонической социализации членов этого сообщества в конкретной историографической традиции. Другими словами, всякая историческая периодизация является имплицитной интерпретацией исторического процесса, и важным принципом современной методологии истории является отказ от эссенциализации систем исторической периодизации, понимание того, что существует множество способов нарезки времени и не один из них не является более релевантным, чем другой. Так, понятие «век» зачастую употребляется в значении исторического периода, определяемого «содержательными, материальными или личностными характеристиками»². Здесь можно вспомнить такие понятия, как «век Людовика XIV», Вольтера, «золотой», «серебряный» и т.д. «века» упадка человечества Гесиода, века прогресса Лукреция — каменный, бронзовый, железный. В ходе же краковского симпозиума в центре рассмотрения оказался век двадцатый — “короткий”, берущий начало, согласно европейской историографической традиции, в событии Первой мировой войны.

В целом, IV польско-российский Конгресс продемонстрировал некоторый отход от проблематики коллективной памяти, которая получила такие блестящие экспликации на научных встречах 2009, 2010 и 2012 гг., и совершил поворот в сторону собственно истории: в ходе встречи был произведен анализ ключевых исторических событий XX века, подчас заключавших в себе сложнейшие узлы российско-польских взаимодействий. Значительную группу докладов составили сообщения историков, в том числе военных, — специалистов по Первой мировой войне. Среди них Анджей Хвальба (Ягеллонский университет), с пленарным выступле-

По итогам Конгресса было выпущено электронное издание: Россия и Польша: память империй / империи памяти / Отв. ред. Д. Л. Спивак. — СПб: Эйдос, 2013. — 325 с.

² Подробнее об этом см.: И.М. Савельева, А.В. Полетаев, *История и время. В поисках утраченного. М.*, “Языки русской культуры”, 1997.

нием «Была ли война неизбежна? Можно ли было ее избежать?»; Марек Херма (Педагогический университет имени Комиссии национального образования в Кракове), с докладом «Поляки — офицеры российского военно-морского флота во время Первой мировой войны»; Павел Крокош (Папский университет Иоанна Павла II в Кракове), с сообщением «Присутствие русских войск в Бохне и Величке в 1914 г.», а также Якуб Войтковяк (Университет имени Адама Мицкевича в Познани) с докладом «Дороги поляков из царской армии в Красную армию». Последний доклад касался сквозной для российско-польских отношений проблемы судеб польских военнослужащих, различными путями попавших в царскую, а затем в Красную армию (из которой, после ноября 1918 г., когда появилось Польское государство, уже не было возможности вернуться).

Событие войны в аспекте практик мемориализации получило подробное освещение в докладе Андрея Ломоносова (Липецкий государственный педагогический университет) на тему «Первая мировая война и страницы истории польской культуры в журнале “Старые годы” (1914–1916)». Журнал стал первым русским специализированным искусствоведческим изданием, ориентированным на коллекционеров и любителей искусства (первый выпуск датируется 15 января 1907 г.). Культурное наследие Польши нашло свое отражение в публикациях журнала с самого начала его существования³. В годы Первой мировой войны польская тема получает дальнейшее продолжение на страницах журнала. В течение менее чем двух с половиной лет (с сентября 1914 по декабрь 1916 гг.) в журнале появилось девятнадцать материалов различного объема, посвященных историческим судьбам и современному состоянию польского историко-художественного наследия. Тематика весьма разнообразна — от статей монографического характера до взволнованных откликов на военные разрушения и потери. В журнале появляется постоянная рубрика «Отражения войны», знакомящая читателей с хроникой гибели и повреждений объектов культурного наследия в Польше в ходе боевых действий. Сотрудники журнала принимали непосредственное участие в спасении памятников и предметов старины. Нужно подчеркнуть, что авторы журнала “Старые годы” были

³ Значительную часть публикаций в выпусках 1907–1914 гг. составили рецензии на книги и отклики на выставки, автором большинства которых был П.Д. Эттингер, в совершенстве владевший польским языком эрудит-энциклопедист, уроженец Люблина. Польской тематике были также посвящены заметки А.И. Яцимирского, филолога-слависта, автора ряда статей о польской литературе для Энциклопедического словаря Брокгаузена и Эфрона, историка-геральдиста В.К. Лукомского, искусствоведа А.А. Трубникова. В октябрьском номере 1908 г. была опубликована большая статья С.М. Горянова «Художественные впечатления короля Станислава-Августа о своём пребывании в Санкт-Петербурге в 1797 году».

пионерами популяризации истории польского искусства в России и что публикации, посвященные истории польской культуры, до сих пор занимают особое место в отечественном искусствознании. В докладе-презентации Татьяны Кандауровой и Леонида Велиховского (РГГУ) на тему «Институционализация памяти Первой мировой войны: военно-исторический музей “Государева Ратная палата”» анализировалась проблема создания российского музея истории войн, а затем музея Первой мировой войны — “Государевой Ратной палаты”. Авторы доклада акцентировали внимание на произошедшем в какой-то момент осознании российским обществом необходимости сохранения памяти о войне. Уже в конце 1914 г. в России зародилось музейно-мемориальное направление деятельности государственных и общественных учреждений. В первые же месяцы военной кампании музеи, библиотеки, научные общества, военные училища и частные коллекционеры начали усиленно, словно соревнуясь друг с другом, создавать «архивы войны». «На фронте и в тылу стали возникать специальные центры, занимавшиеся сбором документального и вещевого, в первую очередь трофейного материала, его упорядочением, описанием, организацией постоянных и передвижных выставок»⁴. Так, Первая мировая ознаменовала продолжение «мемориального бума», берущего начало еще в кампании 1812 года и связанного с новыми возможностями (в первую очередь — фото- и киносъемки) запечатления, как собственно военных действий и материального ряда, с ними связанного, так и «мира, каким он был до войны» и его необратимых трансформаций в ходе быстро разворачивающихся политических событий.

Другая часть историков сконцентрировалась на межвоенном периоде, рассмотрев его с точки зрения взаимного влияния двух стран на самых разных уровнях и (подчас) в весьма различных смыслах. Интерес аудитории вызвал доклад Петра Глушковского (Центр польско-российского диалога и согласия, Варшава) под названием «Агиография, мифы и новые источники. Историография последних лет о Феликсе Дзержинском». В докладе был сделан обзор российских и польских биографий Дзержинского, выявлены стереотипы и мифы, весьма распространенные в западной историографии (исключение здесь составляют, по мнению исследователя, работы Роберта Блобаума, посвященные контактам Дзержинского с социал-демократией Царства Польского и Литвы⁵) и отмечен, в Польше и на западе в целом, упадок интереса к фигуре легендарного председателя ВЧК.

⁴ Катагощина М. Памятники Великой войны / Военная быль. 1993. №3. С. 14.

⁵ См., например: R. B l o b a u m, *Feliks Dzierżyński and the SDKPiL: A Study in the Origins of Polish Communism*, Boulder and New York: East European Monograph Series, dist. Columbia University Press, 1984.

В центре сообщения находился «польский вопрос» в судьбе Дзержинского: родной для него польский язык (который до 1926 г. был одним из трех-четырёх важнейших языков в Кремле и во всем высшем эшелоне власти), национальность «поляк», указанная им во множестве заполненных анкет, риск разделить судьбу тысяч польских ссыльных. Деятельность советского руководства до 1926 г. невозможно рассматривать, не анализируя работу Дзержинского в разных учреждениях (не ограничиваясь ЧК), не изучая оставшихся после него многочисленных документов и не прилагая коллективных усилий для создания подлинно научной биографии политического деятеля. Со стороны российских участников Конгресса линию изучения советских внутривосточных вопросов 1920-х гг. продолжила Юлия Кантор (Государственный Эрмитаж, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена) в своем выступлении на тему «“Обосновать и узаконить террор”. Формирование системы борьбы с инакомыслием в первые годы советской власти». В течение первых пяти лет советской власти карательные механизмы борьбы с инакомыслием, инициированной, законодательно разработанной и утвержденной большевистской партией и воплощаемой с помощью ВЧК-ОГПУ, были полностью сформированы и тотально опробованы на практике. Нейтрализация интеллигенции дала возможность безнаказанно манипулировать массовым сознанием, в чем власть и преуспела в последующие десятилетия. А парадигма «Инакомыслящий — оппозиционер — враг» показала себя чрезвычайно живучей.

Еще один польский исследователь, Гжегож Мазур (Ягеллонский университет), коснулся проблемы русского присутствия в Польше в 1920–1930-е гг. в докладе под названием «Российская эмиграция в Польше в межвоенный период. Постановка проблемы». Он затронул вопросы численности российского сообщества в Царстве Польском перед началом I Мировой войны и после ее окончания, а также проблему определения российской эмиграции после 1918 года. В спектр внимания докладчика попали российские политические группировки в Польше, особенно Российский Национальный Союз (Rosyjskie Zjednoczenie Narodowe), депутаты Сейма и сенаторы — Николай Серебренников, Мачей Касперович, Арсений Пимонов, Павел Корол. Подверглась анализу деятельность российских писателей и журналистов, в числе которых были упомянуты Михаил Арцыбашев, Владимир Бранд, Лев (Леон) Гомолицкий, Георгий Соргонин и многие другие. Речь зашла также о выдающемся политическом деятеле Борисе Савинкове, который публиковал статьи политической и исторической тематики в газете «За свободу». Рассматривалась деятельность Дмитрия Мережковского и Дмитрия Философова, одного из крупнейших российских мыслителей в эмиграции в Польше того вре-

мени, основателя литературного клуба «Домик в Коломне» при газете «За свободу» — клуба, который, помимо россиян, посещали Юзеф и Мария Чапсы, Ежи и Станислав Стемповские, Юлиан Тувим, Мария Домбровска, Ежи Гедройч. Вопрос об этих литературных контактах до сих пор не изучен, и, в целом, российская эмиграция в Польше указанного периода остается мало исследованной проблемой.

Блок докладов, посвященных Второй мировой войне и событий, непосредственно ей предшествовавших, сконцентрировался преимущественно на вопросах политической истории, при этом оказались выделены отдельные, недостаточно изученные, факты из истории польских граждан, оказавшихся на территории Советской России в 1930-е — начале 1940-х гг. Василий Токарев (Магнитогорский государственный университет) сделал подробное сообщение на тему «Антипольская парадигма и пакт Молотова-Риббентропа». В нем автор подверг анализу сложнейшие механизмы внешней политики СССР и Германии, особенно выделив актуализацию антипольской парадигмы, которая произошла в условиях международного кризиса 1939 г., когда нацистское руководство сделало вывод о невозможности решить польскую проблему изолировано, не заручившись нейтралитетом СССР. Вальдемар Резмер (Университет Николая Коперника в Торуня) выступил с докладом «Человеческие потери Красной армии в польской кампании 1939 г. и их причины». Исследователь привел историографию данного вопроса и представил сведения, свидетельствующие о недостоверности официальных цифр потерь, приведенных в свое время Молотовым на сессии Верховного Совета СССР. Выступление Анны Запалец (Институт истории Педагогического университета имени Комиссии национального образования в Кракове) на тему «Вынужденное переселение как инструмент политики СССР в отношении польских граждан во время Второй мировой войны» было посвящено одной из наиболее обсуждаемых в настоящее время в Польше проблем, вокруг которой разворачивается также социальная активность бывших перемещенных лиц, занятых увековечиванием памяти о событиях. Это выражается в установлении мемориальных досок и памятников, выпуске альбомов и книг, организации конференций. В эту деятельность вовлечен ряд польских учреждений культуры, которые собирают и систематизируют документы, связанные с судьбами польских граждан, принудительно выселенных вглубь СССР во время Второй мировой войны. В сообщении подробно рассматривались этапы депортации, роль аппарата НКВД в этих операциях, специфика каждого этапа в контексте других инструментов советской политики, применяемой на польских землях, вошедших в состав УССР и БССР в 1939 г. Еще один представитель Педагогического университета имени Комиссии национального образо-

вания в Кракове (и одновременно Института истории Польской академии наук), бывший Постоянный представитель Польской академии наук при РАН Мариуш Волос сделал доклад на тему «Польская память о Большом Терроре в СССР второй половины 1930-х гг.». В ходе доклада было отмечено, что память о Катыни отодвинула в Польше на второй план другие элементы трагической судьбы поляков на территории Советского Союза (за исключением депортаций 1940–1941 гг., жертвами которых были сотни тысяч граждан Второй Речи Посполитой, о чем много писали в эмиграции). После XX съезда стало возможно писать об убитых по приказу Сталина членах коммунистической партии Польши, чья судьба вписывается в рамки трагедии поляков в период советского Большого Террора. Однако несравнимо меньше известно о судьбах сотен тысяч, часто анонимных (до сегодняшнего момента), поляков и польских евреев, репрессированных в 1934–1939 гг. Об этом крайне мало знали польские дипломаты и даже польская разведка. Сталинский режим очень заботился о том, чтобы скрыть преступления и устранить своих жертв из коллективной памяти. «Польская операция» НКВД в 1937–1938 гг. привела к уничтожению более 111 тысяч человек, о чем вплоть до 1980-х гг. помнили только в семьях советских граждан польского происхождения, в самой же Польше об этом не знал никто. Сегодня об этом можно и нужно говорить открыто.

Тема политической истории Польши в послевоенный период получила развитие в докладе Марчина Кулы (Варшавский университет) «На штыках трудно сидеть. Кризис легитимации ПНР». Автор последовательно проанализировал несколько механизмов обоснования законности коммунистической власти в Польше, включая обращение к марксизму, эксплуатацию образа светлого будущего (сильно потускневшего на фоне большого хозяйственного кризиса конца 1970-х — начала 1980-х гг.), тезис о защите интересов рабочего класса, национальную аргументацию (Народная Польша — это наследник истории Польши), и т.д. После введения военного положения 13 декабря 1981 г., дискурс, который начали использовать генералы, можно сказать, вообще не имел ничего общего с целями обоснования коммунистической идеологии. Была ли эта попытка легитимации власти результативной? Вопрос о том, в какой степени те или иные аргументы, используемые властями ПНР для своей легитимации, оказались успешны, а в какой — отвергнуты, остается открытым.

Верхняя граница “короткого” XX века рассматривалась в сопряжении с вопросами исторической политики, с одной стороны — советской и российской в отношении Польши, а с другой стороны — польской в отношении СССР. Так, в выступлении Инессы Яжборовской (Институт социологии РАН) на тему «Первая мировая война — Версаль — воссоздание

независимого Польского государства» говорилось об исторической политике СССР и РФ в отношении Польши: трансформации трактовки Первой мировой войны, Версальского договора и воссоздания независимого Польского государства. В течение ряда десятилетий Польша рассматривалась как «буржуазно-помещичье государство белополяков», форпост «капиталистического окружения СССР». В период «перестройки» этот вопрос был рассмотрен в ходе работы двусторонней Комиссии по истории отношений между СССР и Польшей (так называемой Комиссии по «белым пятнам»). В 1989 г. по инициативе Комиссии на всесоюзном совещании «Актуальные проблемы советско-польских отношений» оценка воссоздания Польского государства была пересмотрена, и с этого момента в СССР, а затем и в РФ, было официально признано празднование 11 ноября как Дня независимости — польского национального праздника, посвященного восстановлению государственности в 1918 г. Профессор Яжборовская провела также важную специальную сессию, тематически закрывавшую одну из основных проблемных линий Конгресса: по окончании пленарного заседания под ее руководством прошла презентация книги Н.И. Бухарина «Россия — Польша: опыт двадцатилетних отношений (1990-е годы XX в. — первое десятилетие XXI в.)» (Москва-Санкт-Петербург, Изд-во «Нестор-История», 2014 г., 200 с.). Эта монография завершала проблематику XX-го «военного» века и выводила на урегулирование в ходе системной трансформации первого десятилетия века XXI-го комплекса двусторонних политических, экономических, торгово-финансовых, научных и культурных связей, на развитие отношений на новом этапе партнерства и сотрудничества двух стран. Два выступления с польской стороны с разных сторон коснулись проблемы современной исторической политики на материале польских учебников истории. Первый докладчик, Изабелла Скуржиньска (Институт истории университета имени Адама Мицкевича в Познани), выступила на тему «Роль СССР в переменах в Центрально-Восточной Европе в 1985–1991 гг. (анализ новейших польских учебников истории для старших классов)». В докладе представлены были результаты качественного исследования нарративов польских учебников истории. Цель исследования — ответить на вопрос о том, какую историческую память проектируют и передают авторы учебников относительно роли СССР в переменах в Центрально-Восточной Европе 1985–1991 гг. Анализировались три используемых в учебниках понятия: «перестройка», «гласность» и «осень народов». Было выявлено, что в большинстве учебников значительное внимание уделено отождествляемому с советским государством Михаилу Горбачеву как главному актору на политической арене, реализовавшему демократические перемены в Центральной и Восточной Европе. Авторы только одного из пяти

учебников приписали СССР и Горбачеву относительно небольшое участие в «осени народов», но даже они обратили внимание на ликвидацию СЭВ и Варшавского Договора, а также на возрождение стремления к независимости в некоторых республиках СССР, на открытую позицию властей ПНР в отношении оппозиции, развитие оппозиционного движения в коммунистических государствах в связи с либерализацией политической жизни в СССР. Второй докладчик, Тереза Мареш (Университет Казимира Великого в Быдгощи), представила экспликацию родственной темы: «“Осень народов” — распад коммунистического блока в Центрально-восточной Европе в школьном историческом образовании в Польше». В докладе звучали критические оценки в адрес современных школьных учебников в Польше, которые включают себя материал по новейшей истории вплоть до самых последних лет. И здесь возникает проблема: от авторов учебников требуется максимальная дистанция по отношению к событиям, о которых говорится в учебниках, но иногда авторы переходят эту тонкую грань между текстом учебника и публицистикой и навязывают читателям свою точку зрения. Читая новейшие польские учебники по истории, незрелый читатель 15–17-ти лет получает однозначный образ прошлого и оказывается под влиянием внушения, не допускающего другой оценки событий. Практически все пятьдесят лет послевоенной Польши и всего восточного блока представлены как отрицание и борьба с доминированием СССР и коммунистической властью. Получается, что ничего позитивного в Польше и соседних государствах в этот период не происходило. Речь идет не столько об изменении оценки событий, сколько о способе наррации: учебники пишутся с использованием риторики, призванной подтвердить заданный вначале тезис о том, что все содержание данного периода — это борьба с коммунизмом. В целом, по мнению докладчика, в польских учебниках содержится слишком мало исторической информации и слишком много политических оценок. Блок сообщений, посвященных проблемам исторической политики России и Польши, завершал доклад Дагмары Москвы (Университет имени Адама Мицкевича в Познани) на тему «Роль государственного праздника в политическом использовании памяти — День народного единства в исторической политике Российской Федерации». В выступлении предпринималась попытка показать, как российские власти отбирают факты истории, игнорируя те, которые не коррелируют с официальным пониманием современной ситуации, и акцентируя те, которые это понимание подкрепляют. Вопрос был проанализирован на примере нового государственного праздника — Дня народного единства, введенного федеральным законом в 2004 году. Проведенный анализ можно считать удачным обоснованием одного из центральных положений современных *memory studies* касательно связи

памяти и прошлого — положения, основу которого заложил Лотман: «Если функция истории — ... “представить прошлое, как оно было на самом деле” ... , то память — инструмент мышления в настоящем, хотя ее содержанием является прошлое»⁶.

Польско-российский двадцатый век как “место памяти”, помимо экзпликаций в аспекте политической истории, дал повод и для создания его культурологических прочтений. Кирилл Разлогов (ВГИК имени С.А. Герасимова) в своем выступлении «От “реального социализма” к еальности фантазмагии (сравнительный анализ “образов памяти” в фильмах Анджея Вайды и Алексея Германа)» коснулся специфики трактовки социалистического прошлого средствами игрового кино. Фильм Вайды «Человек из мрамора», созданный во второй половине 1970-х гг., выстроен как своеобразное журналистское расследование: молодая женщина-режиссер реконструирует историю каменщика Матеуша Биркута (в исполнении Ежи Радзивиловича), польского «стахановца», когда-то наивно поверившего в собственное величие, в действительности созданное циничным кинодокументалистом, решившим сделать на этом показательном примере карьеру. Образ прошлого в картине создается и стилизацией под хронику, и использованием реальных документальных кадров, но главное — это переплетение драматических судеб самого героя и юной журналистки, вступающей в конфликт с телевизионным начальством, которому не может нравиться подобное копание в прошлом. В результате не столь отдаленное прошлое, еще живое в памяти поколения 1970-х, выстраивается в публицистическое обвинение общественного устройства. Принципиальной иной подход к реконструкции прошлого демонстрирует картина Германа «Мой друг Иван Лапшин». Структура фильма обнажается в попытке воспроизвести реальную память отца режиссера, писателя Юрия Германа, по произведениям которого был написан сценарий. Работа Германа с памятью в известной степени противостоит манере Вайды. Если в картине Вайды детективно-публицистический жанр диктует условия реконструкции прошлого, то у Германа, наоборот, детектив и мелодрама — лишь предлоги для раскрытия значения «мелочей жизни» в механизмах памяти. Тот факт, что Герман видит прошлое глазами отца, поскольку сам он тогда еще не родился, придает, как ни странно, большую достоверность реконструкции, именно в силу ощущения реальности памяти, которая воспроизводится художественными методами.

Доклад Виктора Листова (РГГУ) «Два международных языка города Белостока. Заменгоф и Вертов» сосредоточен был вокруг феномена «рос-

⁶ Ю.М. Лотман, *Внутри мыслящих миров*, часть третья: *Семiosфера*, С.-Петербург: «Искусство-СПБ», 2000, с. 388.

сийско-польско-еврейского» Вавилона, каким представляется Белосток, малоприметный городок Гродненской губернии Российской империи на рубеже XIX–XX вв. Проживали в нем еще и немцы, и белорусы, и цыгане, и литовцы, и украинцы — воистину вавилонское смешение языков царило на улицах, на рынках, во дворах и конторах. Неслучайно, что именно в этом городе родился и вырос Людвиг Заменгоф — создатель международного языка эсперанто. Другую известную попытку создания универсального международного языка предпринял Дзига Вертов — тоже уроженец Белостока. Социальный аспект утопии Заменгофа сводится к тому, что язык эсперанто дает возможность в известной мере миновать стадию национальной культуры и сразу приобщиться к интернациональным ценностям. Ранние социальные утопии Вертова (подкрепленные псевдомарксистской фразеологией) лепились примерно из того же теста. В своих манифестах начала двадцатых годов режиссер провозглашал немое неигровое кино языком Коммунистического Интернационала, средством общения соединившихся пролетариев всех стран⁷. Так или иначе, оба проекта создания международных средств общения восходят к белостокскому многоязычию и выступают протестом против племенной ограниченности и национальной вражды.

Как и в предыдущие годы, поддержку организаторам в проведении Конгресса оказало Посольство Республики Польша в Москве.

⁷ Только что победившая советская власть не то чтобы воспринимала эту идею с буквальной серьезностью, но относилась к ней вполне терпимо. Например, второе лицо большевистской иерархии, Лев Троцкий, в 1922 г. особым письмом в советские инстанции предлагал: в Москве рабочим митингам и демонстрациям нести плакаты с лозунгами, исполненными на основных европейских языках. Кинохроникеры эти массовые действия снимут, и наши западные братья по классу смогут прочесть большевистские лозунги — без языковых и цензурных барьеров. Что тогда же, в 1922 г., и было сделано на московских демонстрациях в честь IV Конгресса Коммунистического Интернационала. Съемки лозунгов по-немецки и по-английски сохранились в российской национальной фильмотеке.